

Подарок для миллиардера

Автор:

Амелия Борн

Подарок для миллиардера

Амелия Борн

Я провела лучшую ночь в своей жизни с миллиардером Ильей Родионовым и... забеременела. В тот момент даже не подозревала, что он несвободен, и что его жена появится на пороге моего дома, когда ребенок родится. Теперь единственная возможность быть рядом с малышкой – стать ее няней и скрывать, что я и есть настоящая мать. И я готова пойти для этого на все.

Содержит нецензурную брань.

Амелия Борн

Подарок для миллиардера

Когда противная трель дверного звонка раздалась так протяжно, что способна была перебудить весь квартал, если бы он спал, я крикнул в сторону второго этажа:

– Лееееер! К тебе?

Другого варианта у меня попросту не имелось. Наверняка очередные курьеры, принесшие очередные же платья и туфли, подружки или бог весть кто еще, кто ходил к нам как к себе домой.

– Нет! Не ко мне. Открой! – отозвалась жена.

Ну как – жена? В последнее время наши отношения больше походили на жизнь соседей. Лера занимала второй этаж особняка, я обосновался на первом. Хотя, мне вполне хватало кабинета и кофе-машины на кухне. Встречались мы раз в день, да и то не всегда. Когда задерживался на работе, ловил себя на мысли, что мне так комфортно. Просто прийти домой, накатить стакан виски и лечь на диване. Что там думала себе Лера – я был не в курсе.

– Ладно, – отозвался я и направился к входной двери.

Сегодня был тихий и снежный вечер, даже как-то царапнуло внутри от того, что мы не гуляем вдвоем, как раньше, держась за руки. Не обсуждаем скорое наступление Нового года. Когда это было в последний раз? Три года назад? Пять? Дерьмо! Такие романтические мысли уже давно меня не посещали. Стареешь, Родионов. Или просто пора было уже что-то решать с этим нашим недобраком?

С такими мыслями я открыл дверь, на которой красовался венок из омелы. И... никого за ней не обнаружил. Черт, опять Лера забыла закрыть ворота, вот местные мальчишки и развлекаются. Нужно будет снова напомнить жене о том, о чем мы говорили сотню раз.

Уже собравшись уйти обратно в дом, я вдруг услышал... шорох. И какой-то писк. Такой, знаете, как будто кому-то очень неудобно привлекать к себе внимание, но иначе никак. И тут же опустил взгляд.

– Твою мать! – процедил я, когда мои глаза наткнулись на что-то вроде люльки, стоявшей на крыльце. Смех, да и только! Нам с Лерой подкинули ребенка? Или там, под белой пеленкой, найдется выводок щенков?

Наклонившись, я отодвинул треугольный край и снова выругался:

– Б*я!

И тут же услышал позади себя:

– Илья, что происходит?

Повернувшись к Лере, окинул ее взглядом. Мне бы кто рассказал, что здесь происходит!

– Это ребенок, что ли? – продолжала расспрашивать жена. Подошла и присела на корточки рядом с люлькой. – Откуда он здесь?

– Ветром надуло, – мрачно отозвался я. – Видишь, метель какая?

Никакой метели не было. Напротив, вечер был безмолвным, только с неба вдруг начал падать крупный снег, медленно оседая на уже покрытом белом ковром газоне. Завтра опять Семеныч будет тарахтеть своей снегоуборочной хренью.

Эти мысли отвлекли, в то время как Лера уже вовсю сюсюкала с подкидышем. Хотя, ребенок спал и вполне себя прекрасно чувствовал и без проявления этой заботы.

– Заноси его в дом! – скомандовала жена.

– Чтооооо?

– Заноси ребенка в дом, тут же холодно!

– Но это не наш ребенок.

Даже расхохотаться захотелось от того, что я только что выдал. Конечно, это был не наш ребенок, но Лера была права. Не держать же подкидыша на улице.

Судя по всему, он был нескольких дней отроду. Не то чтобы я в этом разбирался, но по виду ребенок был очень крохотный.

Все же подхватил люльку и занес ее в дом. Установил на диване и предоставил заниматься всем жене. Хотя, мне совсем не нравилось то, как она воодушевилась при виде подкидыша. Сам же мысленно стал прикидывать, кому звонить, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания. Ведь дай повод газетчикам – растрелят обо всем раньше, чем ребенок успеет обделаться. Кстати, об этом.

– Илья, смотри! Тут памперсы и записка! – воскликнула Лера и я, отвлекшись от своих мыслей, вернулся к жене.

По спине прошел нехороший холодок, но я пока и понять не мог, с чем он связан.

– Илья, этого ребенка я родила от тебя, – прочла жена, и я стал ржать.

Б*я, нужно будет дать задание службе безопасности выяснить, кто это у нас такой новогодний шутник.

– Я не имею к подкидышу никакого отношения, – отсмеявшись, процедил, поймав обвиняющий взгляд Леры.

– Я читаю дальше, – заявила она и всхлипнула.

– Ее зовут Снежана, – продолжила Лера. – Ага, значит, это девочка.

– Мне плевать, кто это! – вставил я свои пять копеек. – Это не мой ребенок и точка.

– Я больше не могу воспитывать ее одна. Позаботься, пожалуйста, о ней. Я знаю, ты сможешь стать ей отличным отцом!

Господи, что вообще за бред?

Я посмотрел на жену, которая присела рядом с люлькой с самым растерянным видом. Дерьмо! Только этого мне не хватало сейчас! Сложный контракт, когда мы из кожи вон лезли, чтобы заполучить сделку века. Натянутые отношения с Лерой. А теперь еще и Снежана!

– Я разберусь с этим, – заявил я и, подойдя к люльке, попытался поднять ту, чтобы унести к себе в кабинет. Намеревался быстро сообразить кому позвонить и куда устроить младенца, но Лера вдруг вцепилась в край, обтянутый красной тканью, не давая мне забрать подкидыша.

– Что значит – разберусь? Что ты собрался с ней сделать, Родионов?

Б*я! Она что – думает, я способен выбросить несчастную кроху в сугроб?

– Я просто найду, куда ее определить. В дом малютки или куда там, – подернул я плечами.

– Нет! – воскликнула она. – Даже если ты ее и нагулял, девочка ни в чем не виновата!

Даже не подозревал, что моя жена такая актриса! Или же нет? Я всмотрелся в ее лицо, но увидел на нем только странный испуг.

– Мы сможем ее воспитать! – зашептала Лера. – А может, она вообще сможет помочь нам снова стать семьей!

Ее лицо искривилось, и жена расплакалась. Я молниеносно убрал руки от люльки. Женские слезы меня... дезориентировали. Никогда не понимал, как с ними справляться.

– Это не моя дочь! – повторил то, что уже сказал жене раньше. – И вообще все, что случилось – чья-то шутка. Или какая-то ошибка. Нам нужно вернуть подкидыша туда, где он сможет найти своих родителей.

– Не называй ее так!

Чего, бл*дь?

Я посмотрел на Леру, не узнавая собственную жену. Она же стала суесться вокруг люльки. Убрала ворох пеленок и одеял, достала крохотную девочку. Я и не представлял, что дети могут быть такими маленькими! Да, мой брат уже успел обзавестись семейством и даже родил троих детей, но я предпочитал держаться от этого всего подальше.

– Взгляни! Она такая миленькая! – опять воскликнула Лера высоким голосом, но когда я на нее посмотрел, поморщилась.

– Что? Уже не миленькая? – не без сарказма произнес я.

– Она обгадилась. Кажется, – ответила жена и вдруг... вручила ребенка мне.

Твою мать! Я же вообще не имел представления, как держать таких детей! Но, что странно, Снежана удобно уместилась ровно на сгибе моего локтя. И продолжила спать.

Я всмотрелся в ее крохотное сморщенное личико. Никакого узнавания. Да и похожа ли она была хоть на кого-то? А этот нелепый чепчик? Кто придумал, что дети должны носить такое?

– Нам нужна няня, – заявила жена, и я поднял на нее окончательно охреневший взгляд.

О чем она вообще, б*я?

– Мы не имеем к этому ребенку никакого отношения! – процедил я то, что уже говорил, кажется, не раз.

– А если это твоя дочь? Мы можем ее воспитать!

Она уже рылась в телефоне с таким остервенением, что мне даже стало страшно.

– Понимаешь, это то, что нам нужно! Этот ребенок! Мы сможем попробовать укрепить наши отношения!

Она опять всхлипнула. Я сделал пару шагов назад. Только истерики от жены мне сейчас и не хватало!

– Лера, – твердо (ну мне так казалось) произнес я. – У этого ребенка есть мама и папа, я уверен.

– Сначала нам нужно все выяснить. Я позвоню Аркаше. Он точно поможет. И сам подумай! Если вдруг все выйдет за пределы нашего дома? Завтра только ленивый не будет обсуждать эту новость!

Лера заходила по гостиной, я же присел на край дивана. Опять посмотрел на малышку на моих руках, гадая, каким чудом она здесь оказалась, и думая о том, что в словах жены было здоровое зерно.

– А еще раньше нам нужно найти няню! Я же совершенно не представляю, как управляться с детьми.

Она умчалась на второй этаж, по дороге дозвонившись до кого-то. Я предполагал, что первым делом Лера набрала агентство по подбору персонала.

– Вот такие дела, – тихо сказал я, понимая, что сбит с толку. И ребенок на моих руках глубоко вздохнул в ответ.

Няня нашлась через час. Мы уже начали нервничать. И я, и жена. Потому что Снежана, проснувшись с полчаса назад, устроила нам настоящий концерт.

– Надо ехать за смесью! – раз за разом повторял я. – По дороге вызову социальные службы. И полицию!

– Няня сейчас приедет, – отвечала Лера. – Обещали прислать все необходимое в кратчайшие сроки!

А время все шло.

В общем, кончилось тем, что я сбежал к себе в кабинет. Мне нужна была передышка. Хотя бы на десять минут. А покинул свое убежище только тогда, когда понял, что та самая няня прибыла.

Спасибо, Господи!

Снежана на ее руках странным образом успокоилась. Я как раз вышел из кабинета, когда девушка-брюнетка укачивала ребенка на руках. Бросил на нее взгляд, и она вдруг показалась мне знакомой. Впрочем, очень быстро я убедил себя, что это не так.

Няня тоже посмотрела на меня и быстро отвела глаза. А она была очень даже ничего. Дерьмо! И почему я думаю об этом в такой момент?

– Вы можете пока занять одну из спален на втором этаже, – проговорила Лера. – Пойдемте, я вам все покажу.

Они удалились. Няня, имени которой я так и не узнал, шла впереди. На руках ее лежал младенец. Лера следовала за ними.

Черт бы все побрал! Что-то во всем этом казалось мне чертовски выбивающим из колеи. Особенно жена, которая вдруг восприняла это настолько близко к сердцу.

Поэтому пока я не нашел ничего лучшего, чем отправиться к себе в кабинет и жажнуть пару бокалов виски. А лучше – три.

Я не понимала, что делала здесь.

Наверно, всему виной было банальное любопытство и желание прикоснуться к иной жизни. Той жизни, что была куда более успешной и красивой, чем моя собственная.

– Эй, подруга, не вянь! – ободряюще толкнула меня локтем Лиля. – Кто-нибудь нас обязательно угостит!

Я кинула косой взгляд в сторону бара. Стало неловко от понимания, что не могу позволить себе купить здесь даже напиток.

– Да уж, у нас с тобой денег даже на стакан местной воды нет, – вздохнула я и попыталась снова образумить подругу:

– Может, пойдем отсюда?

– С ума сошла! – живо отреагировала Лиля. – Да мы в самом модном месте города! Я никогда не была так близка к цели!

Цель у Лили, надо сказать, была самая простая – подцепить кого-нибудь богатенького и женить его на себе. В нашей части города, на окраине, подходящих кандидатов, конечно, не водилось. Поэтому неунывающая подруга придумала данную вылазку. И даже умудрилась организовать нам вход в это престижное место через своего поклонника, работавшего тут в качестве секьюрити.

– Ой, смотри, это же тот актер из нового сериала! – восхищенно шепнула мне Лиля, но я, посмотрев в одну с ней сторону, поймала на себе взгляд другого мужчины. Он смотрел прямо на меня. И смотрел как-то странно. Оценивающе, что ли? Словно я была вещью, относительно которой он рассуждал, стоит ее брать или нет.

– А это кто? – с трудом выдавила я из себя, почему-то будучи не в состоянии отвести глаз от незнакомца.

Лиля проследила за моим взглядом и аж присвистнула.

– Ооо, это Илья Родионов! Крутой бизнесмен! Я его недавно на обложке журнала видела!

Это имя не говорило мне ровным счетом ничего. Да и неудивительно, ведь я, в отличие от Лили, никого не искала и не собиралась цеплять. Однако, к моему ужасу, этот миллиардер вдруг направился в мою сторону. А может, мне это только показалось. Но я вдруг испытала такое смущение, что потянула подругу прочь.

– Он, кажется, идет сюда! – шепнула я Лиле. – Давай уйдем!

– Вот глупая! – вздохнула та. – Познакомься, хватит скромничать!

И, к моему ужасу, отошла от меня, направившись к замеченному ею актеру. А я стояла, как к полу прибитая, и не знала, куда бежать и что делать.

Наконец я решила скрыться в извечном женском пристанище. В туалете.

Но не успела.

– Скучаешь? – раздался рядом со мной низкий мужской голос, от которого по позвоночнику мигом пробежал табун мурашек.

Повернувшись к говорившему, я снова встретилась со взглядом темных, оценивающих глаз. И было в них еще что-то... пресыщенность? Скука?

– Вы, видимо, тоже, – набравшись духу, ответила я.

Он осмотрел меня снова, еще пристальнее, и на губах расцвела ленивая усмешка. Дико сексуальная при этом.

– Это верно, – ответил он. – И давай на «ты». Меня Илья зовут, а тебя?

Я слегка замялась. Своего настоящего имени я стеснялась. Очень уж оно было необычным.

Если все вокруг были Кати, Маши и Тани, то меня звали Лали. Как говорила мать, это единственное наследство, которое мне оставил отец. Которого я никогда не видела и о котором мама не любила вспоминать.

– Оля, – ответила я после небольшой паузы, вспомнив, что в детстве меня иногда называли Лелей.

– Оля, – повторил он, словно пробовал имя на вкус. – Пошли, угощу тебя.

Я понимала, к чему обычно приводят такие угощения. Но стоять и дальше посреди зала, как дура, тоже не могла. Тем более, что моя подруга исчезла.

– Что будешь пить? – спросил меня Илья и я снова растерялась. Никогда еще не пробовала ничего крепче шампанского, и не особо разбиралась в алкоголе.

– На твой вкус, – наконец нашлась я.

– Мне вискаря, а моей прекрасной леди Баккарди Кола, – сделал заказ мужчина.

Я посмотрела на него с удивлением. Это я-то прекрасная? Нет, конечно, я не была уродиной. Но и до модели-фитоняшки мне было далеко. А ведь этот миллиардер наверняка привык к обществу самых красивых женщин. Идеальных. Не то, что я, со своим далеко не модельным размером одежды.

Когда бармен поставил перед нами напитки, Илья осушил бокал разом. И мне не осталось ничего иного, кроме как последовать его примеру.

Алкоголь подействовал быстро. Стало вдруг намного веселее и я ощутила себя куда более раскрепощенной.

– Пошли потанцуем, – предложил мужчина и, встав, властно, с силой, сжал мою талию. Так, что у меня не было ни малейшего шанса отказаться.

А когда он обнял меня в танце, я ощутила и вовсе что-то странное. Словно разряд тока прошелся по всему телу. Я даже вздрогнула.

– Замерзла? – спросил Илья, притягивая меня еще ближе. – Или... я тебе настолько нравлюсь? – усмехнулся он.

А он не мог не нравиться. Неудивительно, что его печатали на обложках, потому что он был из разряда тех мужчин, которые одним своим видом способны довести до греха.

И я уже лавировала на грани.

– Я... – начала было, ощущая, что спастись надо или сейчас, или никогда.

– Расслабься, – промурлыкал Илья мне на ухо, проводя ладонями по моим рукам. – Давай еще выпьем.

Он снова отвел меня к бару. От его ладони на моей пояснице последние трезвые мысли грозили улетучиться. Или виной всему был алкоголь?

– Пей, – сказал он, придвигая ко мне бокал с темной жидкостью.

Мне нравилось обманчивое чувство эйфории, которое дарил алкоголь. В жизни у меня было столько проблем, что имела же я право хоть ненадолго расслабиться?

И я выпила. Даже не подозревая о том, что проблем у меня скоро значительно прибавится.

– Где этот чертов свет? – пробормотал Илья, когда мы, целуясь, ввалились в номер отеля, наспех снятого в этом же здании.

– Не надо... свет, – попросила я. Совсем не хотелось, чтобы он детально рассмотрел все мои неидеальные формы.

– Я хочу видеть тебя, когда буду трахать, – отрезал он в ответ.

Трахать. Грубое слово должно было оскорбить, но оно, наоборот, заводило. Я с трудом отдавала себе отчет в том, что делала. Просто подчинялась инстинктам. Тому пожару, что полыхал в крови от близости этого мужчины. Всем тем новым ощущениям, что никогда не испытывала прежде.

И, возможно, больше не испытаю. Поэтому сейчас я была смелой. Была готовой отдаться этим умелым рукам, так непохожим на грубые, неумелые руки того единственного парня, с которым я встречалась в своей жизни.

– Илья, я никогда... – пробормотала я, но он запечатал мне рот поцелуем, после которого не осталось никакого желания что-либо еще говорить.

Только брать и отдавать.

Он жадно, быстро срывал с меня одежду и я, осмелев, делала то же самое. И все последующее слилось для меня в сплошной комок стонов, криков и нашего смешавшегося дыхания.

Это была первая и самая лучшая ночь в моей жизни.

И самое ужасное утро.

Проснувшись по привычке рано, около пяти утра (именно в это время я вставала на работу) я открыла глаза и увидела рядом с собой того, с кем провела эту ночь.

Он еще спал. Во время сна черты его лица расслабились. Исчезло это жесткое выражение, с которым он смотрел на окружающий мир, словно постоянно ждал подвоха. И теперь он казался мне еще красивее, чем накануне.

Я тайком коснулась его, желая воскресить в памяти прошедшую ночь. Слушая разговоры Лили о сексе, я и представить не могла, что это может быть так. Так одуряюще, так горячо, так... приятно, хотя это было совсем не то слово для описания того, что я испытала.

Я благодарно провела кончиками пальцев по руке Ильи и вдруг наткнулась взглядом на то, что заставило меня похолодеть. На безымянном пальце правой руки у него было кольцо.

Господи! Я переспала с женатым мужчиной!

Зажав рот ладонью, я смотрела на обручальное кольцо с таким ужасом, будто это была ядовитая змея.

Как же я не заметила его вчера? Как могла сделать подобную глупость? Зачем отдала невинность тому, для кого могла стать лишь игрушкой на одну ночь? Потому что он принадлежал другой женщине!

Нет, я, конечно, не рассчитывала, как последняя дурочка, на предложение руки и сердца после этой ночи, но думать, что позволила себя снять, как шлюху, было невыносимо.

Поэтому я сделала лучшее, что могла в этой ситуации.

Стараясь не шуметь, быстро оделась и покинула номер. Наивно желала убежать от воспоминаний о том, что случилось.

Но убежать оказалось невозможно. Потому что два месяца спустя выяснилось, что я беременна.

– Ты чего это, блевала в туалете?

Одна эта фраза матери, подстерегавшей меня за дверью, пугала больше, чем все собственные тщательно заглушаемые опасения по поводу своего состояния. Потому что не могла же я травиться чем-то неведомым несколько дней подряд и именно с утра? А маме многое было виднее с высоты жизненного полета. В том числе и беременность.

За которую она меня просто убьет.

Мама никогда со мной особо не цацкалась, даже в детстве. И я не могла ее за это осуждать. Нежности были непозволительной роскошью для тех, кто с трудом наскребал на весьма скромное питание. И лишний рот – это явно совсем не то, что могло обрадовать мою мать.

Я невольно приложила руку к животу. Наверно, в глубине души уже все понимала, но отказывалась принимать как данность. Нет, ну не могли же высшие силы быть ко мне настолько жестоки? И наплевать на все мои мечты и планы на жизнь, которые ребенок от женатого мужчины может перечеркнуть с концами?

Хотя, если быть честной, из планов на жизнь у меня только и было, что поход на ненавистную работу в паб недалеко от дома, где я работала официанткой. Как и моя подруга, Лиля. И обе мы мечтали вырваться из этого злочного места, но только по-разному. Лиля искала богатого мужа, а я – шанс устроиться на работу согласно полученному образованию. И это были не просто какие-нибудь курсы, чтобы потом гордо трясти сертификатом с видом умудренного и все повидавшего эксперта! Я училась в достаточно престижном вузе.

С огромным трудом мне в свое время удалось поступить на бюджетное отделение по специальности, о которой грезилa. Повар-кондитер. Я наивно воображала, что буду создавать сладкие шедевры, но вместо этого сейчас протирала столики и терпела сомнительную публику в упомянутом пабе.

Потому что устроиться на должность мечты без соответствующих связей оказалось нереально. Никто не хотел брать на работу человека без опыта. И почти везде места занимали знакомые сотрудников и знакомые их знакомых. Этаким бесконечный круг. И если ты был в него не вхож, значит, ты был в пролете. Закон жизни.

Все эти мысли проносились в голове, пока мать зло буравила меня взглядом. Не дождавшись ответа, она добавила то, что я и так знала :

– Принесешь в подоле – убью.

Выхода не было, придется пойти в аптеку и купить тест. Я с трудом могла себе позволить подобные расходы, но ожидание очереди в бесплатной поликлинике могла позволить себе еще меньше. Потому что она составляла такой срок, за который можно было реально родить.

– Ты как всегда сама забота, мама, – хмыкнула я и быстро скрылась в комнате, чтобы одеться и уйти на работу. Тест решила купить по дороге.

Паб, в котором я трудилась за более чем скромную зарплату, работал круглосуточно. Моя смена начиналась в 7 утра. Расчет хозяина был весьма и весьма верный – уж чего-чего, а любителей-алконавтов в нашем районе было вдоволь. Хотя что это я? В питейном деле они были самыми настоящими профессионалами! И не позволяли себе просыхать двадцать четыре часа в сутки.

Наверно именно потому, что вертелась с рождения среди подобной публики, я и подпала столь легко под чары Ильи Родионова. Потому что нет такой Золушки, которая могла бы устоять перед Принцем. И дело ведь не в блеске его распрекрасного дворца. Дело в самом Принце. Он был из совсем иной жизни, что сошла словно со страниц сказки. Жаль только, что ни один сказочник не писал о том, что делать тем Золушкам, карета которых уже уехала. То есть таким, как я.

Ладно, та ночь – явно не то, о чем мне стоило сейчас думать. Хотя если тест окажется положительным, подумать все равно придется. Но только не сейчас.

– Ворочай поактивнее своей жопой, Вертинская!

От окрика хозяина нашего заведения, Семеныча, я только глаза закатила. Мало мне было странного имени, так еще и фамилия такая, что, похоже, сам Бог велел по жизни вертеться как белка в колесе. Что я и делала.

– Кстати, о жопе... – добавил Семеныч задумчиво, с пристрастием меня оглядев. – Потолстела ты, что ли?

Меня от этого замечания аж холодок прошиб. Как сговорились все, ей – Богу! Надо выкроить время и побыстрее сделать тест. Правда в любом случае лучше, чем постоянный страх. Вот только что мне делать потом с этой правдой?..

– Семеныч, да ты мастер комплиментов, я смотрю, – откликнулась я, скрыв тревогу за насмешливым тоном.

– Вот еще удумала, комплименты ей говорить! – фыркнул в ответ Семеныч. – Там вон Васька из восьмого дома скучает совсем один! Скрась его одиночество рюмашечкой и отбивной!

Да уж, только этим и можно было порадовать таких, как Василий. Рюмка водки им заменяла и мать, и отца, и жену с детьми. А соответствующий хит Лепса был слаще гимна родной страны.

Отнеся Василию рюмку и отбивную, годящуюся только на то, чтобы ею отбивать аппетит, ну или даже мозги (консистенция для подобного акта насилия была вполне подходящая), я выкроила время и скрылась в туалете.

Трясущимися руками достала тест и быстро прочитала инструкцию.

А спустя положенное время ошарашенно смотрела на роковые две полоски.

В конце рабочего дня я невесело поплелась домой. На протяжении всего прошедшего после теста времени могла думать только о том, как дальше жить. И по всему получалось, что проще не жить вовсе. Потому что я и сейчас скорее выживала, а уж с ребенком...

У лучшей ночи оказалась весьма дорогая цена. И исчислялась она уже вовсе не силой моего разочарования. Во мне жила новая жизнь.

Я не знала, как смогу прокормить ребенка и купить для него самые банальные вещи первой необходимости. Не знала даже, не выгонит ли меня мать из дома после того, как все узнает. Но если в чем-то у меня не было никаких сомнений – так это в том, что я не смогу избавиться от своего малыша. Даже если бы у меня и были средства на аборт.

Я сама была для своей матери вот таким же залетным сюрпризом. Но что бы ни было между нами, а она все-таки произвела меня на свет. А я... я знала, что смогу дать будущему ребенку не только жизнь. Я смогу дать ему любовь.

А заодно – и обречь на нищету.

Скрывать от матери то, что вскоре все равно станет очевидным, я не стала. Разразившаяся тем вечером в нашей двушке с картонными стенами буря стала достоянием всего дома и превзошла по своей силе даже ураган Катрину. Соседи слышали все – крики, угрозы и, что совсем уж неожиданно, мамин плач.

– И почему ты мальчиком не родилаааась, – завывала она так отчаянно, что соседи уже наверняка набирали ноль три.

– Потому что у меня члена нет, – не удержалась я от сарказма.

Мать резко вскинула голову от подобного заявления.

– Зато по членам скакать ты научилась! – выплюнула она зло.

Такой позы, насколько я помнила, той ночью не было. Но сообщать матери эти детали, имевшие мало отношения к проблеме, я не стала.

– Вот иди теперь к этому членоносцу и проси денег! – добавила мать решительно.

Идти к Родинову? Это последнее, о чем я думала!

Но, лежа той ночью в постели без сна, я в конце концов поняла, что мать была права. И дело было вовсе не в желании стрясти с богатого человека алименты (хотя Лиля радостно сделала бы именно это), а в банальном праве будущего отца знать о своем ребенке.

Но, как оказалось, знать об этом Илья Родионов вовсе не желал.

Вот уже два дня подряд я приходила, как по расписанию, к блестящему небоскребу в центре города, где располагался офис Родинова. И вот уже два дня подряд мне отказывали в том, чтобы пройти внутрь. Ответ всегда был один и тот же – пропуска для меня не заказано. Что и неудивительно, ведь меня здесь никто не ждал.

Единственный мой шанс заключался в том, чтобы перехватить Родинова на улице, на входе в здание. Но ждать слишком долго я не могла – за опоздание на работу Семеныч мог легко лишиться меня последних средств к существованию.

Однако на третий день мне наконец повезло. Дорогая иномарка с лоснящимися на солнце боками подъехала прямо к главному входу. И из нее вышел тот, кого я так ждала. И кого мне не дано было забыть.

Сердце забилося как сумасшедшее и я не сразу смогла заставить себя сдвинуться с места. Илья уже поднимался по ступенькам ко входу, когда я наконец смогла пошевелить хоть чем-то. А именно – языком.

– Илья! – отчаянно окрикнула я.

Но он, конечно, не обернулся. Ничего удивительного! Ведь здесь он был не просто Илья. А какой-нибудь там Илья Николаевич. Но отчества его для соблюдения подобного этикета я не знала. Последнее, о чем думала в ту ночь – так это о том, чтобы заглянуть к нему в паспорт. А зря.

Накатившее сумасшедшей волной отчаяние при виде его удаляющейся спины сподвигло меня к решительным действиям. Я кинулась следом, чтобы задержать его, но у стоявшей у дверей охраны были относительно меня те же планы.

– Сюда нельзя! – грубо отрезал один из охранников.

И тут я вдруг не выдержала.

Рыдание вырвалось из груди само собой. И как ни пыталась, остановить его я не могла.

Чем и впечатлила второго охранника.

– Эй, ты чего реवेशь? – спросил он меня и, взяв за локоть, отвел в сторонку. – Тут это... реветь не положено!

На то, что тут реветь не положено, моей нервной системой было в свою очередь тоже положено. Остановиться никак не получалось.

– А ну это... прекращай! – блеснул снова своим словарным запасом охранник.

– Нннне могу! – выдавила я с трудом.

Господи, гормоны это, что ли? Я ведь вовсе не была по жизни плаксой. У нас на окраине такие просто не выживают.

– Ну чего тебе надо-то тут? Несколько дней ошиваешься, я заметил! – продолжал говорить мужчина.

– Мне надо поговорить с Ильей... Родионовым, – собравшись с духом, сказала я и посмотрела на охранника с надеждой.

Он же в ответ только почесал задумчиво брутально блестящую лысину.

– Ну ты и придумала! Он же шишка ого-го какая! С ним поговорить все хотят, да не все могут!

Спать, видимо, с ним тоже не всем дано. Я прямо выиграла суперприз в ту ночь! Вот только содержать его мне было не на что.

– Это очень важно, – попыталась я убедить охранника. – Мне надо всего одну минутку!

Ну да, чего уж там долго ходить вокруг да около. «Здрасьте, я беременна!» будет вполне содержательной беседой.

– Минутку – это сложно организовать... но помогу тебе, так и быть, – наконец смягчился охранник. – Подружка моя секретаршей у него трудится. Говори, чего передать надо.

Говорить о таком посторонним я была не готова. Но и упускать возможный единственный шанс не могла тоже. Поэтому, быстро достав из сумочки блокнот, написала короткую записку и указала свой номер телефона.

– Может, вы сможете передать? Пожалуйста, – попросила я, протягивая сложенную вдвое записку.

– Ладно уж, – кивнул охранник, беря бумагу из моих рук. – Жди тут.

Я прождала более получаса прежде, чем знакомый охранник снова вышел ко мне. В руках у него была та же самая записка.

Мое сердце упало. Родионов, видимо, даже читать ее не стал.

Но все оказалось не так.

– Ответ внутри, – коротко сообщил охранник и удалился прежде, чем я успела сказать ему хотя бы «спасибо».

Дрожащими пальцами я развернула записку и потрясенно уставилась на несколько тысяч рублей, вложенных внутрь.

Размашистым мужским почерком, явно второпях, под моим посланием было приписано:

«Сделай аборт. Удачи».

Сглотнув, я смяла записку в кулаке. Излюбленный мужской способ избавляться от проблем! Которому я вовсе не собиралась следовать.

Семь месяцев спустя, снежной зимней ночью, на свет появилась моя бесценная девочка.

Я назвала ее Снежаной.

Когда однажды вечером в дверь внезапно позвонили, я пошла открывать, не задумываясь.

Хотя следовало бы. Ведь, как правило, к нам никто не приходил. Кроме разве что соседей, но те, зная о младенце в доме, обычно деликатно стучали. Потому что помнили – Снежана очень не любит постороннего шума. Она предпочитала устраивать его сама.

Вот и сейчас дочка разревелась, протестуя против резкой трели. Подхватив ее на руки, чтобы успокоить, я устремила к входной двери. Подумала, что кто-то из соседей нажал звонок чисто автоматически.

Тетя Люда из соседней квартиры заходила в гости довольно часто. Обычно она, как и другая соседка, Катя, приносила лишние продукты, чтобы как-то нам помочь. Как правило, это было то, что залежалось в холодильнике и у чего уже того гляди истекал срок годности.

Но я была благодарна и за это. Все мои скромные сбережения сейчас уходили на дочку. Часто я не доедала сама, чтобы купить своей девочке самое необходимое. В последние пару дней стало немного полегче – я вернулась на работу в паб и Семеныч позволял мне забрать домой невостребованную за день готовую еду, оставшуюся на кухне.

Работала я теперь в ночную смену, потому что дочка в это время обычно спала, как ангелок. А если все же просыпалась (что случалось изредка), я знала – несмотря ни на что, моя мама за ней присмотрит.

Обычно Снежана быстро успокаивалась, когда я брала ее на руки. Но не в этот раз. Словно знала, что должно произойти. Если бы это знала заранее и я...

– Это вы Ольга? – поинтересовалась у меня красивая ухоженная девушка, когда я открыла дверь.

Ольга? Я не могла вспомнить, чтобы в последнее время называлась кому-то этим именем. Кроме того уже давнего случая с Ильей Родионовым...

– Нет, вы не туда попали, – ответила я и хотела было закрыть дверь, но незнакомка с неожиданной для такой изящной девушки силой ее придержала.

Я заметила, как ее глаза жадно впились в Снежану, которую я держала на руках. От этого взгляда мне стало не по себе.

– Вы родили ребенка от моего мужа.

Незнакомка не спрашивала, она утверждала. И по-прежнему не сводила глаз с продолжавшей плакать Снежаны.

– Она всегда так орет? – поинтересовалась девушка неодобрительно.

– Нет, – ответила я обескураженно и добавила:

– С чего вы взяли, что...

– Меня зовут Валерия Родионова. Илья Родионов – мой муж. С которым вы переспали.

Я вздрогнула. Этим именем было сказано все. Не оставалось сомнений – передо мной действительно была его жена.

Выходит, что Родионов признался ей в своей измене? Впрочем, это уже не имело для меня никакого значения. Я просто не понимала, что этой женщине здесь нужно? Чувствовала лишь еще большую потребность защитить Снежану, спрятать дочь от этого странного взгляда...

Может, жена Родинова считала, что я стану требовать у Ильи алименты? Но между нами ведь все уже было выяснено. Он вообще должен был считать, что я использовала ту подачку на аборт!

Нет, я решительно ничего не понимала.

– Я могу войти? – поинтересовалась, тем временем, гостья. – У меня к вам важный разговор.

Я всем своим существом чувствовала, что не захочу услышать ровным счетом ничего из того, что она может сказать. Но также понимала – просто так эта дамочка не уйдет.

Посторонившись, я позволила ей пройти. И тут же перехватила ее презрительный, полный отвращения взгляд, которым она оглядела мою квартиру, с отклеивающимися то там, то сям обоями и вытертым линолеумом под ногами.

А потом она точно также оглядела и меня саму. Должно быть, недоумевала, как ее красавец-муж вообще мог на меня позариться. И я, честно говоря, тоже этого не понимала.

Ведь передо мной стояла внешне идеальная женщина. Чего не хватало этому Родионову, что он пошел искать кого-то на стороне?

Впрочем, их отношения меня не касались. Я хотела побыстрее уверить эту женщину в том, что ни на что не претендую и избавиться от ее общества.

Закончив осмотр нищенской обстановки моего дома, эта холеная красотка, к моему удивлению, удовлетворенно улыбнулась.

– Вижу, вы живете достаточно скромно, – сказала она.

Я сочла это за намек и решила говорить с ней прямо. Гордо выпрямившись, ответила:

– Может и так. Но не волнуйтесь, от вашего мужа нам ничего не нужно!

Она посмотрела на меня в ответ удивленно. А потом вдруг расхохоталась.

– Что ж, раз вы говорите со мной откровенно, последую и я вашему примеру, – заявила Валерия. – Дело в том, что мой муж собирается сам дать своему ребенку самое лучшее. И поэтому у нас к вам есть весьма конкретное предложение. Мы планируем забрать эту девочку на воспитание себе.

– Чтооооо? – не стала скрывать эмоций я. – Вы с ума сошли?! Я не отдам своего ребенка!

– Я бы не советовала вам принимать поспешных решений, – размеренно, с нажимом, произнесла Валерия.

– Это не поспешное решение! Вы хотите того, чего никогда не будет! Ваш муж знать не хотел ничего о моей дочери! Он вообще должен считать, что я сделала аборт!

От душивших меня возмущения и ярости я почти кричала. Снежана на моих руках снова начала хныкать и я инстинктивно прижала ее к себе крепче. Никому не отдам свою девочку! Ни за что на свете!

Как бы тяжело мне сейчас ни приходилось, но именно в дочери я находила силы для борьбы. Она была моей мотивацией для того, чтобы что-то делать. Она была моим всем. И никто не посмеет ее отобрать у меня, пока я жива!

Но, как вскоре оказалось, на этот счет я сильно заблуждалась.

– Мой муж передумал, – ответила мне Валерия. – Он хочет воспитывать своего ребенка, а я готова это принять. Ваша дочь станет нашей.

– Этого не будет! – отрезала я. – И на этом наш разговор завершен. Уходите, пожалуйста.

Валерия посмотрела на меня как-то странно. Позже я поняла, на что был похож этот взгляд. Это были глаза ядовитой змеи, готовящейся к смертельному нападению на намеченную ею жертву. И этой жертвой являлась сейчас я.

– Я вижу, Ольга, что вы ничего не поняли, – сказала она холодно. – Что ж, окей, я доходчиво вам все объясню.

Не спуская с меня глаз, Валерия отчеканила:

– Мы заберем этого ребенка в любом случае. Я не для того простила мужу измену, чтобы теперь терпеть ваши капризы. Вы представляете себе вообще, кто такой Илья Родионов? Насколько он богат и влиятелен? Какими связями обладает? Милочка, мы уничтожим вас в два счета. Илье будет легче легкого лишиться вас родительских прав. Посмотрите только, как вы живете! – она выразительным жестом обвела мою убитую квартиру. – Это нищета! Дно! Одного взгляда на эту халupu достаточно, чтобы устроить проверку. В ходе которой и выяснится, что ребенок живет с алкоголичкой и наркоманкой...

– Я не... – помертвевшими от ужаса губами попыталась возразить я, но жена Родинова перебила :

– А это неважно. Вы будете выставлены той, кем мы захотим.

Холодок страха пробежал у меня по спине, парализуя тело и лишая способности говорить.

Эта женщина с лицом милой куколки и взглядом убийцы совершенно явно мне угрожала. А я не знала, как можно этому противостоять.

– Хочу, чтобы вы ясно понимали, Ольга, – снова заговорила она. – Вопросы о том, отдадите вы нам ребенка или нет, не стоит. Стоит лишь вопрос о вашем месте рядом с дочерью. Либо мы забираем девочку силой и вы больше никогда ее не увидите, либо...

Валерия сделала многозначительную паузу и я, не выдержав, выдохнула:

– Либо?

– Либо вы останетесь с ней рядом, но только в качестве няни.

– Я не понимаю... – пробормотала, не в силах осознать все услышанное.

– Нам в любом случае понадобится няня, – пояснила Валерия. – А вы знаете этого ребенка лучше, чем кто-либо другой. Эта сделка выгодна и вам, и нам.

Сделка... Эта женщина собиралась отнять у меня самое дорогое, что я имела и еще называла это выгодной сделкой!

– Вы можете подумать ровно день, – разрешила милостиво Валерия. – Но я не советую вам пытаться бежать. Илья отыщет вас где угодно. И имейте в виду, что отказавшись от этого предложения, вы потеряете не только дочь навсегда, но даже ту жалкую работенку, что есть у вас сейчас. Мы позаботимся о том, чтобы ни вы, ни ваша мать, больше никогда и нигде не получили никакой работы. Вы даже милостыню просить не сможете!

Я нисколько не сомневалась, что все указанное эта змея непременно выполнит. И это означало, что время, выданное мне на так называемые раздумья было лишь иллюзией. Отсрочкой приговора. Потому что у меня не было ни права выбора, ни какого-либо выхода из этой ситуации.

И даже если бы я рискнула сбежать, далеко бы не убежала просто потому, что мне было не на что.

Валерия легко прочитала все, о чем я думала, по моему лицу. Поэтому сказала:

– Завтра вечером я пришлю за ребенком своего человека. Он также передаст вам инструкцию, которой вы должны будете строго следовать. Если хотите, конечно, остаться рядом со своей дочерью. Точнее – уже моей.

– Я позвонила Аркаше, – сообщила мне Лера, вернувшись, обратно. Села напротив за барную стойку и посмотрела на меня так, что стало не по себе.

– Мне нечего тебе сказать по этому поводу. Я не помню ее мать от слова «вообще».

– И все же? Ты с ней трахался?

Инстинктивно поморщившись, я налил себе порцию виски, второй стакан придвинул жене.

– Да. Было раз. Мы с тобой тогда переругались к чертям.

Наверно, в этот момент я должен был испытывать угрызения совести (или что там обычно испытывают в таких случаях?), но у меня их не было. Наш брак давно уже был просто иллюзией, а сейчас, когда случилось то, что случилось, я с неотвратимой ясностью понял, что нам нужно было разбежаться уже давно. Зато Лера, похоже, так не считала.

– Я тебя за это прощаю, хотя... мне больно.

Всегда терпеть не мог подобное. Предпочитал трезвые разговоры без заламывания рук и прочего. И Валерия это прекрасно знала. И в этом смысле была идеальной женой.

– Ты действительно хочешь воспитывать этого ребенка? – спросил я, когда понял, что продолжения Родионов-козел-как-ты-мог-я-потратила-на-тебя-лучшие-годы-жизни не предвидится.

– Естественно! Малышку подбросили, как будто она... какая-то вещь!

Жена отпила глоток виски, вскочила и заходила туда и обратно.

– Тебе есть до этого дело? – удивился я.

В чем-в чем, а в любви к детям Лера была ни разу не замечена. Да и в благотворительности и готовности пригреть всех обездоленных – тоже. Я вспомнил, как держал девочку на руках и что-то слабо царапнуло изнутри. Отдать ее в дом малютки? Наверно, это было бы самым правильным в сложившихся обстоятельствах. Я вообще не представлял, что делать с такими детьми и как их растить.

Дерьмо! Да я и не хотел детей, черт бы все подрал!

– Я давно об этом думаю, – сказала Лера, успокоившись и вновь присаживаясь за стойку. – И если уж у нас ребенка нет... а тут самый настоящий подарок под Новый год... думаю, это не просто так.

– Только не говори, что веришь в судьбу или что-то такое, – поморщился я. – Или Деда Мороза, который разбрасывается младенцами.

– А почему бы и нет? – с вызовом откликнулась Лера, и я снова посмотрел на нее с удивлением. Впрочем, в следующую секунду она улыбнулась, смягчая это впечатление. – Посуди сам. У нас давно все плохо. Но ведь мы вместе уже несколько лет! Да, мы все имеем право оступиться, но я готова тебя простить и попытаться построить счастье снова. И дать это самое счастье маленькому ребенку, который остался совсем один в этом мире!

– Мы найдем ее маму, уверен, это было сиюминутное решение, – процедил я в ответ на тираду жены.

Лера поджала губы и вдруг, закрыв лицо руками, разревелась.

– А если она в следующий раз просто ее... выкинет? Если малышка ууууумрееет?

Так. Так-так, стоп. В словах жены было здоровое зерно, но говорить о нем на таких запредельных тонах с рыданиями я не собирался.

– Иди умойся, успокойся и обсудим все. И дождемся Аркадия, – отчеканил, стараясь не переходить границы.

Жену как ветром сдуло, я посмотрел ей вслед, задумчиво потирая подбородок. Неужели она и взаправду настолько прониклась по отношению к судьбе этого ребенка? А я сам?

Снова вспомнилась почти невесомая тяжесть крохотной девочки, лежащей у меня на руках. Снежана. Возможно, моя дочь, что еще предстояло выяснить. А если нет? Если она не моя? Об этом буду думать, когда все выяснится.

– Нужно сделать тест днк, – сказал я Лере, когда она вернулась обратно, успокоившаяся и даже с улыбкой на губах.

– Я тоже подумала как раз об этом, – ответила она. – Посмотрю лаборатории, которые работают с выездом на дом.

– Хорошо. А что знает твой брат?

– Только то, что ребенка подкинули. Остальное расскажем, когда приедет.

– Окей.

Поднявшись из-за стойки, я растер шею ладонью и посмотрел на Леру.

– Ты куда? – мгновенно напряглась она. – Если к ребенку, то ходим вместе?

Очень странно. Как будто я мог подняться к Снежане и причинить ей вред. Жена и впрямь считала, что я способен на такое?

– В кабинет. Позови меня, как приедет Аркаша, – сказал я и ушел.

– Ну, рассказывайте, как вы докатились до жизни такой, – усмехнулся Аркадий, брат Валерии и по совместительству, начальник отдела полиции. – Только по порядку.

Мне, в отличие от него, было не смешно. Пришлось приструнить его веселье соответствующим взглядом.

– Ни до чего мы не докатились! – вступила Лера. – Просто у Ильи на стороне родилась дочка. Ни он, ни я о ней не знали, естественно. А тут сегодня нам ее подбросили под дверь.

– Камеры смотрели, кто это был? – поднял голову от записей, которые вел, Аркаша.

Точно, б*я! Камеры! И как я не подумал о них в первую очередь?

– Сейчас наберу службу охраны, скажу, чтобы привезли запись за сегодня, – мрачно отозвался я и полез за телефоном.

Когда этот вопрос был улажен, Аркадий приступил к дальнейшим расспросам.

– Значит, ты с кем-то переспал... когда?

Да не помнил я, когда! Это был вообще ничего не значащий эпизод моей жизни, черт бы все подрал! И я не думал, что он закончится чем-то подобным. Я даже не помнил, трахал ли я ту девицу в резинке или нет. Дерьмо...

– Я не помню.

– Вероятность, что это твоя дочь – имеется?

– Надеюсь, что нет.

Я посмотрел на Леру, та – на Аркашу.

– Мы будем делать генетический тест, – быстро проговорила жена. – Уже завтра приглашу сотрудников лаборатории. А что с остальным? Нам же нужно заявить в полицию, что мы нашли ребенка.

– Считайте, что уже заявили, – подернул плечами Аркадий. – Вы же хотите оставить его у себя до окончания всех разбирательств и урегулирования бумажной волокиты?

Ну и что я тут мог сказать? Нет, заберите ребенка и отправьте хоть куда-то? И в этот момент на меня снизошло успокоение. Малая под присмотром, у нее есть няня. Здесь тепло и безопасно, и мне не нужно возиться с какашками и ползунками. Жизнь продолжается, Родионов, только ты делаешь в любом случае хорошее дело.

– Да, мы хотим оставить ребенка у себя, – решил я. – По крайней мере, до того момента, когда будет готов анализ днк.

Лера посмотрела на меня с благодарностью, Аркадий – с интересом.

– Что-то об этой женщине известно? Ну, о матери ребенка? – уточнил он.

– Ни черта. Я даже не помню, как ее зовут... сейчас... Юля... нет, Оля. Точно, Оля. Познакомились в баре.

– Понятно. Значит, раскручивать здесь нам нечего. Ладно. Я займусь бумажными вопросами, созвонюсь с нужными людьми. И когда все решу – позвоню вам. Ну а вы пока делайте экспертизу. Остальное решим после.

Аркаша поднялся и взял блокнот, в котором было написано от силы три строки, а потом отбыл, снова заверив нас, что выйдет на связь в ближайшее время.

– Ух! Ну и денек! – выдохнула Лера, закрыв дверь за братом. – Как ты?

Как я? Я пи*дец, как вымотан этим всем.

– Нормально, – соврал жене. – В душ хочу.

– И я тоже. – Она улыбнулась, и я знал эту улыбку. И давно уже на нее не велся. – Пойду. Ты со мной?

Лера подошла ближе, окинула меня плотоядным взглядом. Возможно, это было лучшим решением – сбросить напряжение, трахнув свою жену, чего не было уже давно. Но мне в голову пришло другое желание.

– Нет, иди, – помотал я головой, и Валерия, после некоторого промедления, ушла.

Вместо того, чтобы отправляться на гигиенические процедуры, я поднялся по лестнице на второй этаж. Некоторое время прислушивался к тому, что происходит за дверями, а когда понял, в какую из спален Лера определила Снежану с няней, зашел без стука.

Няня испуганно охнула, стоило мне только появиться на пороге. Я – замер на месте. Прислонился плечом к дверному косяку и засунул руки в карманы брюк.

– У вас все в порядке? – спросил у няни, которая почему-то опустила взгляд и стала поправлять одеяльце в корзинке. – Завтра мы купим кроватку, коляску и все, что нужно.

Ну просто аттракцион невиданной щедрости, б*я! Но мне и взаправду сейчас хотелось сделать для этого ребенка что-то большее, чем смогла сделать его мать.

– У нас все... в порядке, – натянуто ответила няня, и я понял, что здесь лишний.

– Хорошо. Если вам что-то понадобится, говорите, – сказал я и вышел, чтобы не мешать.

У них тут был совсем другой мир. У этой странной няни и младенца. Даже у Леры, которая так внезапно предстала передо мной совсем с другой стороны. И я пока не знал, где именно в этом мире мое место.

И есть ли оно вообще.

Я облегченно выдохнула, когда Родионов вышел из предоставленной нам со Снежаной комнаты.

Не думала, в общем-то, что он меня узнает, но все же напряглась всем телом под его взглядом.

Мне даны были строгие инструкции в общении с хозяином дома. Точнее – в том, чтобы никак с ним не пересекаться. Валерия явно не хотела, чтобы он меня узнал, опасаясь... чего? Повторения той ночи? Иных причин я найти не могла. Говорить с Родионовым и просить его вернуть мне дочь, я бы ни за что не стала. Муж и жена явно были заодно, и бесполезно было взывать к их жалости. У таких людей, способных купить за деньги всех и вся, наверно и сердца-то не было вовсе.

Когда Родионов вышел, я крепко прижала к себе дочку. Было так хорошо снова чувствовать в своих объятиях ее крохотную фигурку и ощущать тепло родного тела. На глазах выступили слезы от воспоминания о том, как мою девочку забирали.

Я понимала, что должна отдать ее добровольно, иначе будет только хуже. Но когда на пороге квартиры появился неизвестный мужчина и протянул к Снежане руки, поняла, что скорее умру, чем позволю ее у меня отнять. Инстинктивно прижав дочь к себе, я мотала головой на все просьбы отдать ребенка. И тогда он вырвал мою девочку силой, а мне кинул записку с подробными инструкциями о том, что мне дальше делать.

Я помнила, как без сил рухнула в старое кресло и невидящим взглядом уставилась в белоснежный лист бумаги. Слезы текли из глаз сами по себе, падая на безразличные к моему горю строчки.

Прочитать инструкцию я смогла лишь когда глаза стали болезненно-сухими. В указаниях четко говорилось : сделать все, чтобы Родионов меня не узнал. Изменить внешность и имя. И ждать звонка.

Ждать... вот что было самым страшным для меня сейчас. Ждать и бояться, что эта женщина вдруг передумает и решит, что я ей вовсе не нужна. И тогда я рисковала больше никогда не увидеть свою дочь.

Меня затрясло от облегчения, когда звонок все же раздался и мне было велено срочно подъехать по указанному адресу.

Собиралась я быстро. Не раздумывая, взялась за ножницы и решительно, одним махом, отрезала свои длинные волосы. Надела очки и самую бесформенную одежду, что смогла только найти. На моей исхудавшей после родов фигуре она болталась, как тряпки на пугале. Впрочем, и без всех этих ухищрений я не думала, что Родионов меня вспомнит. Было очевидно, что я в его жизни прошла лишь безликим эпизодом.

Но жалеть об этом я все равно не могла. Потому что иначе у меня не было бы моей девочки. Я дала жизнь чудесному маленькому человечку, ради которой была готова на все.

Даже быть с ней рядом простой няней. Даже смириться с тем, что она никогда не назовет меня мамой.

Сглотнув вставшие в горле слезы, я уложила свою малышку обратно в корзину. Родионов обещал купить для нее все необходимое завтра. Это казалось странным – ведь они с женой должны были уже подготовиться к появлению ребенка в доме. Впрочем, все это было не моего ума дело. Главное, что я снова была рядом со своей дочерью.

За окном неторопливо падал снег. Снежана, словно успокоенная этой картиной, уснула. Я прилегла с ней рядом и не заметила, как меня тоже сморил сон.

Ожидавшее нас поутру пробуждение было не из приятных.

– Где это отродье?! – кричал незнакомый женский голос совсем рядом. Следом резко распахнулась дверь нашей комнаты, ударившись ручкой о стену.

Я испуганно подскочила на кровати и ничего не понимающим взглядом уставилась на женщину средних лет, влетевшую в комнату с видом налогового инспектора, устроившего внезапный обвал.

– Это что еще за пугало?! – завопила женщина, тыкая в меня пальцем.

Да уж, так меня еще не называли.

– Меня зовут Лали, я... – начала было, но меня бесцеремонно прервали :

– Да мне плевать, как вас там зовут! Это – отродье Родионова?!

Теперь уже ее наманикюренный палец тыкал в Снежану. Дочь мгновенно расплакалась от поднятого незнакомой женщиной шума. Та в итоге разозлилась еще больше :

– Чего она орет?! Заткните ее немедленно!

Я взяла дочь на руки и стала укачивать. На автомате ответила :

– Она не любит громких звуков.

Поняв свою оплошность, быстро добавила :

– Я так думаю....

– А вот я не люблю, когда мою дочь оскорбляют! – снова заорала женщина.

Снежана заплакала еще громче. Я стояла, прижав к себе ребенка и пыталась успокоить дочь, но ничего не получалось. В результате всего этого шума распахнулась дверь одной из соседних спален и на пороге комнаты появились Родионов с женой.

– Что тут происходит? – хмуро поинтересовался Илья, и я быстро отвернулась к окну, когда он скользнул по мне взглядом.

– Это ты мне объясни! – напустилась на него женщина. – Я доверила тебе свою дочь! А ты скачешь по всяким шлюхам и оплодотворяешь их!

Шлюха. Да, в глазах общественности я таковой и являлась. И никому было не объяснить, что такое со мной было первый раз. И, наверно, последний.

– Мама, прошу тебя! – вступила в разговор Валерия. – Я же сказала тебе, что все ему простила!

Значит, передо мной была теща Родионова собственной персоной. Пожалуй, об этом я могла бы и догадаться. Яблочко от яблони....

– Няня... как вас зовут? – обратился ко мне сам Илья.

– Лали, – откликнулась коротко. Можно было спокойно называть ему свое настоящее имя, ведь он знал меня под совсем иным. Если вообще его помнил.

– Лали, возьмите ребенка и идите вниз. Попросите моего водителя отвезти вас в магазин и купите там ребенку все, что нужно, – распорядился Родионов кратко.

Мне не нужно было повторять дважды. Быстро метнувшись к двери, я хотела как можно скорее покинуть комнату, где разыгрывалась эта семейная драма, но теща Ильи явно не собиралась уступать так быстро.

Ее пальцы молниеносно вцепились в край одеяла, когда я пыталась протиснуться мимо нее, а глаза злобно уставились на Снежану. Мне стало жутко. Эта женщина явно ненавидела мою ни в чем неповинную дочь.

– Ни грамма на тебя не похожа! – постановила теща Родионова с выражением отвращения на лице. – Так почему ты спонсируешь эту ублюдочную?!

Я до боли сжала губы, чтобы не ответить ей на эти оскорбления так резко, как мне того хотелось, но как позволить себе не могла. Вместо этого тихо сказала :

– Отпустите, пожалуйста, одеяло. Вы нервируете ребенка.

– Чтоооо?! – буквально взревела женщина. – Да как ты смеешь мне указывать?!

А в следующий миг она замахнулась, явно намереваясь ударить меня по лицу. Но Родионов быстро перехватил ее руку и скомандовал :

– Лали, идите!

И я мгновенно выскользнула из комнаты и торопливо сбежала по лестнице вниз.

Водитель, представившийся Николаем, довез меня до ближайшего детского магазина. Страшно стесняясь, я ходила по рядам со всякой всячиной, купить которую для дочери прежде могла разве что в мечтах. Впрочем, и сейчас я не позволила себе взять ничего лишнего. Недорогие коляска и кроватка, минимум одежды, памперсы и прочая мелочь. Если Родионов и его жена захотят купить Снежане что-то еще, наверняка сделают это сами.

Когда мы с дочерью вернулись домой, до нас уже с порога донеслись жуткие крики. Я с трудом опознала в этих искаженных злостью голосах Родионова и его жену. Не желая подслушивать, быстро пошла к лестнице, чтобы подняться в отведенную нам со Снежаной комнату. Но прежде, чем успела преодолеть хоть ступеньку, Валерия выскочила из кабинета. Ее взгляд пробежался по мне и она подскочила ближе с таким лицом, что я невольно отступила, боясь того, что она может сделать. В первую очередь – моей дочери.

Но Лера быстро взяла себя в руки и сказала:

– Собери свои вещи.

Я похолодела. Неужели она выгоняет меня? Господи, нужно было утром держать язык за зубами и ничего не говорить ее матери!

– Что ты стоишь? – снова обратилась ко мне жена Родионова. – Собери свои вещи и вещи ребенка.

Но прежде, чем я успела вообразить, что она возвращает мне дочь, та добавила :

– Вы переезжаете. Здесь слишком шумно и нервно, это не на пользу младенцу. Позови Колю, я скажу ему, чтобы отвез вас куда надо.

Спрашивать ничего я не стала. Просто развернулась и пошла обратно к машине, откуда водитель как раз выгружал наши покупки.

– Вас Валерия зовет, – сказала я коротко и поджала губы, чтобы не улыбнуться, когда увидела, как Коля в ответ выразительно закатил глаза.

А когда он ушел, я вздохнула с облегчением. Что бы ни было тому причиной, а я была только рада оказаться подальше от этого дома.

И от Родионова с его женой и тещей.

– Ну и зачем все это было нужно? – мрачно поинтересовался я, когда машина с Лали и Снежаной отбыла в неизвестном направлении. – Куда они?

– А тебе разве есть до этого дело? – на все еще повышенных тонах спросила Лера. – Я просила не устраивать скандалы рядом с ребенком!

Просила она! Какого хрена тогда позвала свою мать, рот которой сегодня был как помойка. О чем я и сказал жене, когда отправил Лали и девочку в магазин, чтобы они не слышали всего того дерьма, которое так и лилось в их сторону.

– Лер, тебе самой не смешно? – Я сложил руки на груди и устало посмотрел на жену. – Я обо всем, что происходит.

– Почему мне должно быть смешно? – вскинула она брови.

– Потому что такого дерьма в нашей жизни не было даже тогда, когда мы оба подумывали о разводе.

Упомянутое расставание подействовало на Леру чудесным образом. Она вдруг вся сникла и всхлипнула.

– Наверно, я все же не до конца тебя простила за измену. Но я буду очень пытаться сдержаться впредь.

Жена подошла ко мне и обняла, устроив голову на моей груди. Пришлось едва приобнять ее в ответ.

– А Лали и Снежана? – спросил я и почувствовал, как Лера напряглась. Впрочем, почти сразу расслабилась. – Впереди Новый год. Самым правильным будет вернуть их и отпраздновать вместе.

Жена мгновенно запрокинула голову и буквально вцепилась в мое лицо взглядом, в котором мелькнуло что-то вроде угрозы.

– Ты это предлагаешь ради ребенка?

– А ради кого еще я могу это предлагать? – подернул я плечами.

– Я не знаю... вдруг тебе понравилась и няня. Черт, прости, – вздохнула она. – Я больше не буду. Просто вырвалось.

– Мне не понравилась няня, – раздельно произнес я, чтобы уже закрыть эту тему и отправиться в чертов офис, где я вроде как должен был быть с самого утра. – И давай закроем уже тему других женщин. Если ты все же меня простила.

Отойдя от жены, я собрался пойти и переодеться, когда увидел на полу какую-то розовую вещицу, оказавшуюся крохотной детской рукавичкой из ткани. Поднял ее и сжал в кулаке.

– И позаботься об анализе днк. Пусть сделают в ближайшее время, пока все не позакрывалось на праздники.

С этими словами я ушел.

А вечером меня ждал сюрприз. По правде говоря, вернулся я домой быстрее не потому, что так уж рвался посидеть за семейным ужином (которого, кстати, у нас давно с женой не бывало), а чтобы узнать, приехали ли обратно Лали и Снежана.

Хотя, по части еды меня ждал сюрприз. Лера все это время не теряла времени и приготовила просто огромную гору всякой всячины и, довольная собой, накрыла стол.

– Раздевайся, мой руки, давай ужинать! – воскликнула она, буквально порхая по дому. Я воспринял настроение Леры с долей скепсиса, но переоделся, принял душ и спустился в столовую.

– Как прошел рабочий день? Что нового? – спросила жена, накладывая мне на тарелку целую гору всего – салат, мясо, какой-то гарнир из картофеля.

– Нормально. Пришлось напомнить некоторым, что праздники еще не начались.

Я кивнул на бутылку шампанского, охлаждающуюся в ведерке, и уточнил:

– Есть какой-то повод?

– Мы собираемся снова попробовать наладить отношения. Чем же это не повод? – улыбнулась Лера и, присев рядом, взяла в руку бокал. – Открывай.

По правде, я не особо разделял ее восторгов (особенно если учесть, что мы уже успели переругаться в пух и прах), но шампанское все же открыл. Мы выпили по глотку, поужинали почти в молчании, после чего я спросил:

– Лали и Снежана вернулись?

И понял, что дал маху. На лице жены появилось такое выражение, как будто я только что прилюдно ее оскорбил. Однако она быстро взяла себя в руки.

– Нет, и я много думала об этом сегодня. Мы сделаем тест, удочерим девочку, если она твоя. Но пусть они живут там... в спокойствии.

– Живут... там? – удивился я. – Где – там?

– Я же сказала – в спокойствии! Там, где не будет скандалов. И что ты так волнуешься? Кажется, еще утром тебя вообще не волновала судьба этого ребенка.

– А представь себе, сейчас волнует. Я хочу, чтобы они вернулись сюда. И мы здесь отпразднуем все вместе Новый год. Думаю, это единственно разумное решение, раз уж мы собрались дать этому ребенку семью.

Видимо, разумным решением это казалось только мне. Лера вдруг отбросила вилку и вскочила из-за стола. Сначала смотрела с гневом, потом из глаз ее брызнули слезы.

– Я уже не знаю, чего ты хочешь, Родионов! Бьюсь, как рыба об лед!

Я поморщился, услышав этот пафос, собрался возразить, но жена продолжала:

– То ты ничего не хочешь, то ты хочешь! Только помни, что этого ребенка нагуляла на стороне вовсе не я!

И она умчалась на второй этаж.

Я потер подбородок ладонью. В чем-то Лера была права – этого ребенка на стороне нагуляла действительно не она. Так что если я принял решение участвовать в его судьбе, значит, я и должен заниматься всеми вопросами, связанными с дочерью (если она все же моя).

Узнав у Николая, куда он отвез Лали и Снежану, я пошел к себе в кабинет, намереваясь уже завтра вечером забрать девочку с няней обратно домой. Хочет того Лера или нет.

На следующий день из офиса я уехал пораньше. Жена звонила мне несколько раз, и по тому, как со мной говорила, я бы никогда не сказал, что еще вчера у нас целый день были скандалы. Возможно, мне нужно было быть с ней помягче, Лера ведь тоже хотела как лучше. И если уж так посудить, в этой истории пострадавшей стороной являлась именно она.

Заверив жену, что буду вовремя, сел в машину и некоторое время раздумывал, ехать ли за Лали и Снежаной, или же сначала переговорить с женой. Взгляд упал на рукавичку, которую еще вчера я так и забрал с собой и бросил в машине под стекло. Что-то острое пришлось по внутренностям, царапнув и оставив после себя след из противной боли. И когда я трогался с места, уже знал, куда поеду.

Этот дом был на окраине, и здесь все действительно было спокойно и тихо. Настоящая снежная сказка кругом, а в саду все деревья – в белых шапках.

Тормознув возле ворот, я вышел из машины и, после небольшого раздумья, все же заглушил мотор. Если Лали откажется переезжать обратно, наверно, я ее пойму. И оставляю все, как есть.

Лали.

Странная девушка со странным именем. Которая уже успела столкнуться с самой нелюбимой стороной жизни в нашей так называемой семье. Так недалеко и до того, что от нас обслуживающий персонал будет убегать, куда глаза глядят.

Оказавшись в доме, я прислушался к звукам, чтобы определить, где няня с ребенком. Мне ответила звенящая тишина. А что если Коля соврал и они не здесь? Уволю ко всем чертям!

Все же поднявшись по лестнице, я вдруг различил тихий голос. И замер. Потому что именно эту колыбельную пела мне мать, когда я был маленьким. И сейчас, когда я услышал пение, мне даже почудилось, как будто я перенесся в прошлое. В то, которое уже никогда не вернется.

Осторожно ступая, пошел на звук, попадая в какое-то нереальное измерение. Даже встряхнуться захотелось, чтобы морок исчез. Нажав на ручку двери, открывая ее без стука, я хотел просто сказать: «Собирайтесь, поехали домой».

Но вместо этого выдал:

– Какого хрена?

Потому что Лали сидела на кровати и кормила Снежану.

Грудью.

– Какого хрена?

Раздавшийся мужской голос был настолько внезапным, что я испуганно дернулась. И тут же наткнулась на недоумевающий темный взгляд Ильи Родионова.

То, что сижу перед ним практически с голой грудью, я от шока сообразила не сразу. Гораздо больше меня волновало как объяснить ему увиденное. Мысли в голове лихорадочно метались и когда молчание слишком затянулось, я не нашла

ничего лучше, чем пробормотать:

– Простите....

Господи, будто я делала что-то плохое! Хотя всего лишь кормила свою родную дочь. Но об этом-то Родионов и не должен был знать.

– Что тут происходит? – спросил он снова.

Я уцепилась за первую же спасительную мысль, пришедшую в голову :

– Просто... у меня есть молоко... и я подумала, что так будет лучше для малышки...

Все это прозвучало как детский лепет. За свою жизнь я привыкла к необходимости за себя постоять, но сейчас мне нужно было быть тише воды и ниже травы. Потому что я была бессильна перед сложившейся ситуацией и такими людьми, как стоявший напротив мужчина.

– У вас есть ребенок? – нахмурившись, уточнил Родионов. – Почему вы не с ним?

Я сжала губы в попытке удержать горькую усмешку и не сказать : «Я как раз с ним. И это единственный способ быть с ним, потому что вы отобрали мое дитя».

– У меня был... ребенок, – с трудом выдавливая из себя слова, сказала я. Надеюсь при этом, что Родионов больше ничего не спросит. Но он не остановился.

– Что с ним случилось? – поинтересовался он негромко, подходя ближе. Я опустила глаза, чтобы Илья не мог меня рассмотреть. Очков на мне в этот момент не было и я не знала, как скрыть от него свое лицо.

Не зная, как ответить на заданный вопрос, я медлила. Самым очевидным было сказать, что ребенок умер, но на подобное у меня попросту не поворачивался язык. Ведь вот она, моя маленькая девочка, на моих руках, и я никому не позволю причинить ей вред.

– Его... похитили, – наконец произнесла я, нарушая возникшую тишину.

Это была почти что правда.

– И не могут найти? – уточнил он.

– И не могут найти, – подтвердила я.

– Мне очень жаль, – сказал Родионов и в его голосе мне послышалось неподдельное сочувствие.

Интересно, что было бы, скажи я ему о том, что именно он сам и его жена сделали со мной все это? Но нет, я бы никогда так не рискнула. Ведь передо мной стоял все тот же человек, что кинул мне несколько тысяч на аборт, даже не пожелав поговорить лично. Тот самый человек, что потом вдруг вспылал отцовскими чувствами и пошел на то, чтобы лишить меня моего родного ребенка. А теперь стоял здесь с сочувствующим видом!

Я вдруг ощутила ненависть. Дикую, кипящую ненависть. Как он смел сожалеть о том, что сам же и сделал?!

Присутствие Родионова вдруг показалось невыносимым. Но все, что я могла сделать – это только терпеть. Только бы не выдать себя. Господи, только бы не выдать.

– Наверно, вы поэтому и пошли в няни, – сделал самостоятельные выводы Родионов. – Кстати, какое агентство вас прислало? – вдруг поинтересовался он.

Я похолодела от ужаса. Что сказать на это – не знала. На этот счет Валерия ничего мне не говорила. По ее задумке ее чертов муж вообще не должен был здесь стоять и о чем-то меня спрашивать!

– Фрекен Бок, – ляпнула я первое, что пришло на ум.

Понятия не имела, существовало ли подобное агентство взаправду, но если нет – Валерии стоило бы его создать! И лучше побыстрее. Пока ее муж не начал наводить о нем справки.

Чтобы как-то отвлечь Родионова от этой темы, я выпалила, взглянув ему прямо в глаза:

– А почему вы интересуетесь? Я вас чем-то не устраиваю? Если вы не хотите, чтобы я кормила девочку грудью, я не буду. Я просто хотела как лучше!

– Не волнуйтесь, – ответил мне Илья. – У меня нет к вам претензий. И я приехал, чтобы вернуть вас домой.

Домой... он даже не представлял, где на самом деле наш со Снежаной дом! Пусть маленький, пусть обшарпанный, но свой, родной...

Интересно, как там сейчас мама? Мне пришлось объяснить ей исчезновение внучки по телефону практически так, как есть. Нет, я не стала пугать ее угрозами, которые мне выдвинула Валерия. Я просто сказала, что отец Снежаны хочет воспитывать ее сам. И что я согласилась на это, потому что он может дать ей гораздо больше, чем я.

И в результате выслушивала обвинения матери в том, что я продажная дрянь. И ее столь ненавистные мне рыдания.

Потому что моя мать была из разряда тех, кто сначала громко и зло кричит : нет, мы не возьмем в дом этого котенка (ребенка, щенка, хомячка – нужное подчеркнуть), потому что его нечем кормить и мне некогда убирать за ним каки! А потом шумнее всех рыдает крокодильими слезами, когда нежеланный котенок внезапно пропадает.

Ей не понять было мою боль. А я не могла ее объяснить. Я вообще никому не могла это доверить.

Но сейчас я отчаянно скучала по той жизни, что была у нас троих до появления Валерии. И вздохнула с облегчением, когда жена Родионова отослала нас со Снежаной в этот затерянный среди леса домик.

Как жаль, что жизнь здесь не могла длиться вечно. И вот уже приехал сам Родионов, чтобы отвезти нас со Снежаной обратно. В то место, что было его домом. Но не нашим.

Я не должна была ничего возражать. Мне стоило покорно собрать вещи и молча идти за ним. Но все же я сделала робкую попытку оттянуть невозможное.

– Но ваша жена сказала, что мы должны жить здесь... – сказала я и услышала, как Родионов в ответ презрительно хмыкнул.

– Моя жена – как, кстати, и вы, Лали – получает мои деньги. А значит, будет делать то, чего хочу я. А я хочу, чтобы вы вернулись со мной домой.

Да, в том, что за свои деньги он мог купить все, я уже убедилась. Ненависть снова всколыхнулась внутри обжигающим пожаром и, чтобы не выдать глазами того, что чувствовала, я потупилась и, встав с дивана, понесла было Снежану в спальню, которую мы заняли. Выхода не было – нужно было снова собираться в дорогу. Но не успела я дойти до двери, как к своему ужасу услышала позади себя:

– Вот черт, снег пошел! Даже не снег, а метелище! Похоже, нам придется здесь переночевать.

Метель была с одной стороны некстати. С другой, я вдруг понял, что не хочу домой. Значит, все было к лучшему.

Лали с ребенком ушли в ту комнату, которую заняли, а я принялся рыться в холодильнике. Мда, запасов было от силы на пару дней, но я и не собирался оставаться здесь дольше. Уже завтра мы вернемся обратно, а сейчас вполне стоило подумать об ужине.

Кулинар из меня был так себе, это я понял, когда извел половину продуктов, а ничего путного не получилось. Пришлось сначала призвать на помощь старый добрый Гугл, но когда не сработал и он – попросить помощи у Лали.

Она уложила Снежану и как раз собиралась спать, когда я появился на пороге комнаты и сказал:

– У меня катастрофа на кухне, а есть хочется. Да и вам будет нелишним поужинать.

Окинув взглядом ее худощавую фигуру, я добавил:

– Если Снежана спит крепко, то давайте приготовим что-нибудь. Я буду помогать. По мере сил, конечно.

Лали посмотрела на меня с сомнением, и когда я уже было решил, что она пошлет меня на хер, кивнула.

– Хорошо. Но я не очень голодна.

– Тогда просто составите мне компанию за ужином. Кстати, кофе я варить умею, так что с меня будет хоть какой-то толк.

Вернувшись на кухню, я начал убирать весь тот срач (а иначе его было не назвать), который развел во время своих кулинарных опытов. Лали присоединилась ко мне позже, принесла с собой и Снежану. Ее она устроила в коляске, и на мой вопросительный взгляд пояснила:

– Ей все равно, где спать. А так будет под присмотром.

Кивнув, я принялся наблюдать за тем, как Лали взялась за готовку. Она действовала быстро, как будто не няней у меня работала, а поваром.

– У тебя отлично получается, – похвалил я, переходя на «ты». – Помощь не нужна?

– Нет. Спасибо, – тихо ответила она, и беседа на этом закончилась.

Я же продолжал смотреть на Лали, пытаюсь составить о ней более полное впечатление. Например, о том, как она себя чувствует наедине со мной. И пришел к выводу, что Лали испытывает стеснение. Как будто ей хотелось быть в этот момент где угодно, но только не здесь.

Мои наблюдения прервал плач. Снежана проснулась, и мы с Лали одновременно поспешили к коляске. Только у няни были перепачканы руки, поэтому ребенка немного неуклюже (но уж как умел) взял я.

– Я укачаю ее, – пообещал Лали.

– Только голову держите, она еще не умеет сама.

– Хорошо.

Во взгляде Лали мелькнуло что-то, похожее на затравленность. Я ее пугал? Она чувствовала себя рядом, словно в клетке? Хм, это было довольно странно.

Хотя, точно. У нее же пропал ребенок, и я даже представить не мог, что она ощущала.

– Кстати, брат моей жены работает в полиции, – сказал я, присаживаясь на диван и покачивая Снежану на одной руке. Ребенок был такой крохотный, что вполне на ней умещался. – Он может помочь вам в поисках похищенного младенца.

Я взглянул на Лали, но она вдруг побледнела и снова посмотрела на меня затравленно. Да что вообще происходит, черт бы все подрал?

– Спасибо... но его уже ищут, – выдавила она из себя, и на этом наш разговор опять завершился.

Ужинали мы тоже почти что в молчании. Обменялись лишь парой реплик относительно разбушевавшейся стихии за окном, и на этом все. А когда разошлись по комнатам спать, я набрал номер жены.

– Ты с ней? – было первым, что она спросила, когда взяла трубку.

– Я с Лали и Снежаной. Собирался привезти их домой, но ты сама видишь, что за окном.

Лера промолчала, я слышал только ее дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/born_ameliya/podarok-dlya-milliardera

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)